

ТАТЬЯНА ЛЕВИЦКАЯ

(Ивано-Франковск)

Дихотомия

“отечество — чужбина”: судьба “габсбургского мифа” и еврейский микрокосм в произведениях Йозефа Рота

Йозеф Рот (Joseph Roth, 1894—1939) — один из тех немецкоязычных писателей XX в., которые родились и выросли на периферии Австро-Венгрии и после распада в 1918 г. “лоскутной” империи (или “Какании”, как иронически назвал “кайзеровско-королевскую” Габсбургскую монархию Роберт Музиль) разом лишились гражданства, национальной принадлежности, родины, защищенности, превратились в вечных скитальцев. Ведь австрийским в этой стране стало то, что сумело впитать в себя многоголосие разных культур, духовность многих народов, обитавших на территории империи, а кроме того Италии, северной частью своей недолго входившей в состав австрийских владений, Испании и Франции (через Габсбургов). Австрийским стало то, что вобрало в себя все это многообразие, и сохраняло его, проходя через исторические катаклизмы. Особенностью этой культуры на протяжении веков оставалось не самоутверждение, не закрытость, а, напротив, восприимчивость к культурам других народов¹.

К таким писателям, помимо Рота, можно причислить Макса Брода, Франца Верфеля, Манеса Шпербера, Элиаса Канетти, Райнера М. Рильке, Лео Перуца и др. Все они оказались в ситуации “бегства без конца” — сначала от неустроенности послевоенных лет, а затем

от набравшего силу и подчинившего себе Австрию фашизма². Ощущение бездомности, безысходности, неприкаянности породило ностальгию по довоенному прошлому. Так возник “габсбургский миф”, образ если не “золотого века”, то, по крайней мере “золотой осени” в эпоху Франца-Иосифа. Параллельно до предела обострился взгляд на движение истории. Ее катаклизмы стали связываться не только с кризисом собственно австрийских, “габсбургских”, но и общечеловеческих ценностей. Неожиданно выяснилось — и этому в немалой степени способствовал, наряду с Г. Брохом, Р. Музилем, и Йозеф Рот,— что писатели, творившие на периферии немецкоязычного региона и сформировавшиеся преимущественно в католическом и еврейском духовном окружении, оказались при осмыслении происходящего в мире (и с миром) прозорливее и настойчивее тех, кто опирался на мощную культурную традицию протестантизма.

Он родился в еврейской семье, в небольшом городке Броды, на самой границе Австрии. В местечках, подобных Бродам, евреи с благодарностью взирали на Вену, где, недостижимый, словно бог на небе, жил старый-престарый Франц-Иосиф, и они любили и славили своего далекого императора как живую легенду и чтили пестрых ангелов этого бога — его офицеров, уланов, драгун, чей радужный отблеск озарял порой их убогий, затхлый мирок. Это впитанное с детства почтение к императору и его армии Йозеф Рот взял с собой, когда перебрался из родного гнезда в Вену³.

Рот был очевидцем, участником и жертвой распада империи, запечатлел ее агонию, последствия ее гибели, оставил множество ценных наблюдений и мыслей, способных обогатить опыт потомков — тех, кто волею судьбы оказался в сходных исторических условиях и обязан пылливо всматриваться в прошлое, чтобы иметь право надеяться на будущее. Он, по словам Германа Кестена, был продолжателем лучших традиций евро-

пейского романа — “от Вольтера, Стендаля и Флобера до Томаса и Генриха Маннов”⁴.

“У меня нет родины,— писал Рот в 1930 г. своему издателю Г. Кипенхойеру,— если отвлечься от того обстоятельства, что только в себе самом я дома, и чувствую себя как дома. Где мне плохо, там и моя родина. Хорошо мне только на чужбине. Если я хоть раз отрекусь от себя, я тут же себя потеряю, поэтому я старательно слежу за тем, чтобы всегда оставаться самим собой”⁵.

В своих пронизанных трагическим мироощущением романах 1920-х годов “Паутина”, “Мятеж”, “Отель Савой”, “Бегство без конца”, “Циппер и его отец”, “Направо и налево”⁶ Рот с большой силой выразил потрясение, вызванное распадом империи Габсбургов, разрывом с языком, культурой, с принадлежностью к крупной общности народов, обладавшей богатым прошлым, но в одночасье утратившей настоящее и будущее. В них дан глубокий и точный анализ душевного состояния и духовной смуты вернувшихся с фронтов Первой мировой войны, из плена, из госпиталей — по сути дела, в никуда: на родину, которой больше не существовало. (Броды, где Рот учился в общинной еврейской школе и в немецкой гимназии, отошли к Польше, а с конца 1930-х годов стали украинскими). Лейтмотив настроения этих романов — растерянность, смятение, бездомность, обреченность на блуждание в непонятном, враждебном мире. Кто-то из героев Рота (Андреас Пум из романа “Мятеж”, Франц Тунда из романа “Бегство без конца”) впадает в отчаяние, кто-то (Габриэль Дан из романа “Отель Савой”) пытается удержаться, приспособиться, выжить, но ощущение краха, крушения, безвременья свойственно всем без исключения. Стремительность повествования подчеркивает неудержимость распада, обезбоженное, лишенное опоры в лице твердой власти время катится в пропасть, возникает ощущение всеобщности, парадигматичности процесса, который в XX в. довелось пережить не одной только Австро-Венгрии. Крах импе-

рии становится символом крушения человека, его внутренней разорванности и оторванности от “материнской” почвы.

Что значит “Родина”? У Рота это способ мышления и повествования, или речь идёт о земле его детства и юности, о людях из Галиции, которых он переносит в чужой край — преимущественно в Париж,— как герои своих романов?⁷ Рассматривая отрыв от привычных условий в романе “Ложный вес” (1937) нужно отметить, что первым следствием географической, общественной и внутренней оторванности и дезориентации было одиночество, изоляция от окружающего мира. Рот определённо выражает это в романе: “Он был очень одинок, и он чувствовал себя чужим и бездомным...”⁸. Эта оторванность, источник не только страданий, но и ощущения свободы, свойственна многим героям Рота и связана с утратой естественного существования, с сомнениями в своей собственной идентичности.

Среди произведений Йозефа Рота можно взять в качестве примеров роман “Бегство без конца” (1927) и новеллу “Левиафан” (1940). Уже само название романа свидетельствует о бегстве, а именно, речь идёт о периоде жизни австрийского обер-лейтенанта Франца Тунды, которого судьба водит из страны в страну, от сибирской тайги до Парижа. Уже на третьей странице романа Йозеф Рот характеризует своего героя, с одной стороны, как часть целого (“Австро-венгерская монархия рухнула. У него больше не было родины”⁹), с другой — как человека, который уже не имеет отношения к окружающему миру: “Но теперь Франц Тунда был молодым человеком без имени, незначительным, без положения в обществе, без звания, без денег и профессии, бездомным и бесправным” (S. 315).

После долгих скитаний Тунда попадает в Вену, осознаёт своё положение: “Ветер гонит меня, и я не боюсь гибели...— я думаю, что я стал чужим в этом мире” (S. 352).

Вену, настоящую родину обер-лейтенанта Тунды, он больше не считает своей родиной; там, где он должен был бы чувствовать себя хорошо и защищенно, он чувствует себя чужим. На вопрос, был ли он в России как дома, он отвечает: “Я всё-таки остался бы в России..., если бы однажды не приехала компания из Франции... Это было так, словно кто-то открыл дверь, о которой я всё время думал, не дверь, а часть стены, окружавшей меня. Я вижу выход и выхожу. Теперь я стою снаружи и я беспомощен” (S. 355.). Парадоксально, но на своей географической родине Тунда переживает глубочайшую оторванность и одиночество. О Вене он говорит: “Я чувствую себя здесь чужим...Я с чужими глазами, чужими ушами, чужим умом прохожу мимо людей” (S. 357).

Йозеф Рот считает, что знакомое с детства место на карте может не быть духовной родиной. И поэтому возникает желание побега, надежда найти место, которое можно назвать духовной родиной.

Бездомный Франц Тунда и Йозеф Рот тесно связаны; они путешествовали по Европе с востока на запад и выбрали Париж своим последним пристанищем.

В случае с героем “Левифана”, Ниссеном Печеником, речь не идёт ни о географической, ни об исторической родине. Городок Прогроды, чье название своим славянским звучанием напоминает о месте рождения Рота, служит лишь местом пребывания героя, занимающегося продажей кораллов. Ради них он едет к океану, в котором ему видится его подлинная родина.

Кто бы это ни был — Франц Тунда, Ансельм Айбеншютц, Ниссен Печеник или Мендель Зингер — Йозеф Рот показывает, что человек должен где-нибудь укорениться географически или духовно. У каждого героя есть своя внутренняя родина, как и у самого автора, о котором Артур Циммерман сказал: “Он больше не живёт в своём восточногалицийском прошлом, но ещё не нашёл себя в настоящем”¹⁰.

Тесную связь между жизнью и литературными произведениями Рота отметил ещё в 1977 г. Герман Кестен: “Рот снова создал в своих эпических произведениях свою утраченную родину, подлинную до мельчайших деталей, полную жизни Австро-Венгрию.., он населил людьми из своей жизни свои романы и рассказы и снова жил с вымышленными персонажами, как будто они были статистами его собственной жизни”¹¹.

Для Рота как для писателя творчество было подлинной и единственной родиной в его жизни. Только в своих произведениях он был в “своём” мире, он чувствовал себя защищённым, как во времена своего галицийского детства.

В произведениях Рота ошутима его ностальгическая тоска по распавшейся двуединой монархии. Но в своих поздних романах “Марш Радецкого”, “Ложный вес”, “История 1002-ой ночи” и “Склеп капуцинов” он также доказывает, почему монархия Габсбургов должна погибнуть: двойная мораль и ханжество способствовали ее разложению. Рот показывает, сколь слабым и шатким долгое время был религиозный фундамент общества, и его герои Тротта, Айбеншютц и Таттингер последовательно погибают, как и сама Дунайская монархия. Одновременно Рот выражает своими “австрийскими” романами несбыточное желание возродить разрушенную родину как святой идеальный мир, литературную действительность. И, конечно, он отражает в романах блестящие, великолепные стороны монархии. К концу своей жизни Йозеф Рот стал борцом и поборником незначительной и — как это выяснилось впоследствии — весьма бессильной группировки легитимистов — сторонников дома Габсбургов¹².

Конец старого австрийского чиновничества, умирающего вместе с монархией, блестяще описан в “ностальгических” романах Йозефа Рота “Склеп капуцинов” и “Марш Радецкого”. Главный герой последнего, один из многочисленных австрийских баронов Франц фон

Тротта — типичный бюрократ средней руки, лояльный, честный, консервативный и несколько закосневший чиновник, этакий Франц Иосиф в миниатюре.

На примере трех поколений семьи Тротта, офицеров и государственных служащих, писатель показывает этапы неудержимого заката Габсбургской монархии. Молодой лейтенант, родом из крестьян, простых и крепких землевладельцев Словении, в сражении при Сольферино — глупом, проигранном, бестолковом — случайно спас жизнь столь же молодому императору Францу-Иосифу. За это он получил земли и титул: барон фон Тротта и Зиполье. И судьба его крестьянского рода навечно сплелась с судьбой Габсбургской монархии и ее государя, ее последнего человеческого воплощения, Франца-Иосифа, который правил и жил так долго, что стал казаться современникам вечным, чья старость символически совпала с безнадежно-роковым дряхлением его лоскутного царства, чья смерть стала началом тления, разложения, распада этого тысячелетнего царства, а с ним — всего старого европейского мира.

Чудесным образом спасенный император все равно обречен на медленное угасание вместе со своей империей, равно как и новоиспеченный дворянин Йозеф Тротта фон Зиполье. И художник не устает напоминать об этом, правда, без злорадства и чрезмерного социально-критического пафоса, присущего его произведениям первого периода, а с элегической грустью, чуть приукрашивая действительное положение вещей.

Тротта окружен разными людьми, многие из которых высказывают “крамольные” идеи, не верят в будущее монархии — и постепенно вера в стабильность и вечность государства, которому он служит, покидает и душу чиновника. На войне гибнет его сын, Австро-Венгрия понемногу катится в пропасть, и в этих условиях ежедневная погруженность окружного администратора в бумажные дела напоминает попытку заслониться

зонтиком от летящей бомбы. Йозеф Рот заставил своего персонажа умереть в тот день, когда Франц Иосиф I был похоронен в склепе венской церкви капуцинов. Жизнь обыкновенного чиновника закончилась одновременно с жизнью чиновника-императора (“оба они не могли пережить Австрийской империи”¹³) и почти одновременно с историей империи, одним из столпов которой была просвещенная консервативная бюрократия. Новая эпоха больше не нуждалась в ней.

О чем роман Йозефа Рота? О конце мира. О распаде империи. О славе и трагедии рода. О сплетении судеб: стеблей и ветвей, растущих снизу и сверху, образующих ткань странного этого явления — Австро-Венгерской монархии.

Имя императора — Франц-Иосиф — эхом отзывается в именах трех поколений баронов фон Тротта: Йозеф, Франц, Карл-Йозеф. Уходящая в небытие Дунайская империя служит фоном, на котором разворачивается трагическая судьба внука “героя Сольферино”, — именно он, а не дед или отец, оказывается в центре повествования. Очевидно автор хотел сопоставить судьбы одинокого, нежизнеспособного Карла Йозефа — и одряхлевшей, созревшей для краха монархии. На Карла Йозефа давит непомерный авторитет деда и отца, он уступает им во всем, страдает от комплекса неполноценности, чувствует себя чужим в мире “Какании”, смутно ощущает, что живет не так, как следовало, не прислушивается к “внутреннему голосу”. Его окружает мир, который он уже не считает своим. Этот мир живет по непонятным ему правилам и предъявляет требования, которые оказываются младшему Тротта не по плечу. Все его попытки сблизиться с этим миром, обрести любовь и дружбу заканчиваются гибелью близких ему людей. В нем нарастает чувство вины, особенно после того, как солдаты под его командованием жестоко подавили взбунтовавшихся рабочих. То, что именно ему поручают командовать операцией, вернувшийся из от-

пуска лейтенант фон Тротта воспринимает как козни неумолимо преследующей его судьбы, олицетворенной в образе гибнущей монархии.

Карл — тоже не случайное имя: Карлом был последний император, бессильный преемник Франца-Иосифа, в его краткую эпоху разложение монархии стало очевидным, и она пала. И Карл-Йозеф Тротта бестолково и некрасиво погибает от казачьей пули — не с оружием в руках, а с ведрами, с которыми он пошел через насыпь за водой для своих измученных жаждой солдат. Ничемная жертва мировой войны. Последний верный рыцарь последней мировой империи.

Об этой Австро-Венгрии мы не знаем почти ничего. Наши представления о ней формировались под влиянием карикатурных образов Гашека. Йозеф Рот не опровергает его. Правда есть правда. Офицеры, пьянствующие в борделе в грязной галицийской дыре, туповатые денщики, солдаты, рыжие еврей-шинкари в черных сюртуках, серебряно-ледяные чиновники, ростовщики, дамы, изменяющие мужьям со случайными лейтенантами — гашековская Австро-Венгрия, мир бессмысленный и жестокий, обреченно-дряхлый, выживший из ума.

Йозеф Рот не скрывает пороки и смертельную болезнь исчезающей родины. Он не злобствует и не потешается над ними. Он показывает двустороннюю правду. “По воле жестокой истории распалось мое старое отечество, Австро-Венгерская монархия. Я любил его, это отечество, которое позволяло мне быть патриотом и гражданином мира в одно и то же время, австрийцем и немцем среди других народов, населявших Австрию,— писал Рот в одном из предисловий к роману “Марш Радецкого”.— Я любил добродетели и достоинства этого отечества и сегодня, когда оно умерло и утрачено, люблю его недостатки и слабости”¹⁴.

Да, Австро-Венгрия была не только царством пьяных офицеров, чиновников со стальными глазами, ка-

зарм и борделей. С ней связаны и героические воспоминания. Рыцарство было ее основой. Древние роды переплетались ветвями вокруг древнейшего престола Европы. Франц-Иосиф не был рыцарем, но и на его прозаическом облике лежал отблеск света крестоносного воинства.

На протяжении всего романа где-то за стеной, за кадром военный оркестр играет марш Радецкого. Прощание. Когда марш играет, солдаты уходят. В никуда.

Существен еще один образ в романе Йозефа Рота: богач и аристократ Хойницкий, светский человек и циник, в двадцатом веке увлекающийся алхимией, своеобразное отображение безумца-алхимика императора Рудольфа, дальнего предка Франца-Иосифа. Он знает все: что император умрет, и что когда это произойдет, мир Тротта рухнет. Он знает про мировые войны, революции, конец света, и поэтому заканчивает жизнь в сумасшедшем доме. Все скоро кончится. Служить обреченному царству — то же самое, что изо дня в день пытаться превращать свинец в золото.

Таким образом, рухнувшее австро-венгерское государство было для Рота как бы прообразом будущей Европы, космополитической по духу, осуществляющей культурное посредничество между Востоком и Западом, Югом и Севером. Разумеется, это была утопия, и в глубине души Рот не мог этого не сознавать. Но утопия нужна была ему для душевного равновесия, для элементарного выживания — и он отстаивал свое право на нее вопреки очевидным фактам, которые в избытке поставляла история XX в.

Автор “Марша Радецкого”, “Склепа капуцинов” и “Сказки 1002-й ночи” в первую очередь является носителем особой традиции — культуры восточноевропейских евреев. В “Странствиях евреев” Рот разъясняет, в чем состоит разница между “ассимилировавшими евреями” Западной Европы, которые смотрят свысока на “бедных восточных братьев”, и собственно евреями

с восточных “сельвовых” границ, перекупщиками старья. Учившийся в Вене, Рот прекрасно знал, насколько здесь презирали евреев с Востока.

В своём самом известном эссе, “Странствия евреев”, Йозеф Рот раскрывает своё языковое мастерство. В кратких, четких предложениях он оживляет всё разнообразие жизни евреев в Европе. Он начинает описание в восточноевропейском штетле и следует следами евреев на запад, где множество эмигрировавших евреев, тем не менее, влачат скудное существование в гетто крупных западных городов: Вены, Берлина, Парижа, и терпят, сверх того, придирки органов власти. Рот, сам еврей, знал, о чём он писал, и на чьей стороне были его симпатии.

В нём заключались вся мудрость еврейского народа, его юмор, его горький реализм; вся печаль Галиции, вся грация и меланхолия Австрии; и Рот был человеком божественным и галантным. Начала его романов подобны тщательно скомпонованной увертюре, которая вводит читателя в огромный зал, где происходит бал: бал с многочисленной публикой, с императорами и беспризорными, с впавшими в уныние императорскими и королевскими офицерами, торговцами кораллами, контрабандистами, трактирщиками и купцами; они вводят в миры, которых больше не существует: мир восточных евреев, каким его описал Рот в “Иове” и который существовал еще до 1940 г.

Ветхозаветный Иов с его яростным сопротивлением божественному провидению не раз занимал воображение писателей и мыслителей XX в. Историю вначале богобоязненного, а затем бунтующего (правда, довольно робко и пассивно) волынского еврея Менделя Зингера Рот ставит в общий контекст судьбы евреев, начавших после долгого периода рассеивания движение от периферии к центру. Мендель Зингер — еврей, который верен своей вере и своему Богу. Рот описывает его очень кратко: “Он спал без сновидений. Его совесть была чис-

та. Его душа была невинна”. Жизнь Менделя была “тяжела, а подчас и мучительна, но она “текла себе и текла”, точно маленький скудный ручеек среди неказистых берегов”. Он растил троих детей, ждал рождения четвертого, молился Богу и не роптал на тяготы убогого существования, ибо так жили сотни тысяч до него. Он праведник, внутренне обитающий в религии.

Подобно библейскому Иову, Мендель Зингер поддается испытаниям; первое испытание — его четвертый ребенок, Менухим, рождается калекой. Двоим старшим сыновьям — Ионе и Шемарье — грозит призыв в царскую армию, подросшая дочь Мирьям загуливает с русскими казаками. Спасаясь от рекрутчины, Шемарья перебирается в Америку, вслед за ним туда же отправляется Зингер с женой Деборой и дочерью (Иона остается в солдатах, Менухим брошен на попечение чужих людей). Но жизнь в еврейском квартале Нью-Йорка оказывается еще хуже, чем в захолустном Цухнове. От тоски по оставленным в России сыновьям умирает Дебора, гибнет на фронте мировой войны Шемарья-Сэм, пропадает без вести Иона, трогается умом Мирьям. Одиноким, придавленный горем Мендель перестает верить в Бога, соблюдать обычаи, молиться. Его мучает чувство вины за оставленного в России младшего сына, которому рабби предсказал славное будущее. На высшей точке отчаяния Мендель бунтует против Бога. Борьба Менделя против Бога заканчивается только с приездом Менухима. Предсказание в конце концов сбылось — Менухим, ставший знаменитым музыкантом и состоятельным человеком, возвращается в жизнь отчаявшегося старика, наделяя ее смыслом, душевной теплотой и утраченной верой.

Счастливым финалом, связанным с обретением потерянного сына, предстоящим возвращением в Европу, надеждой на излечение Мирьям и появлением пропавшего Ионы, плохо вписывается в структуру реалистического романа, похож на чудо. Подобный поворот со-

бытий возможен разве что в сказке. И Рот сознательно обрушивает на своего героя “тяжесть счастья и величие свершившегося чуда”¹⁵: таким образом он как бы воздаст своему герою за то, что было недодано ему в реальной жизни, ибо только чудо может примирить Менделя Зингера с Богом, а без примирения жизнь потеряла бы всякий смысл. Рот сознательно поэтизирует суровую реальность, выдает желаемое за действительное, и принцип “чем поэтичнее, тем реальнее” его не подводит: “Иов”, без сомнения, вершинное произведение писателя.

Так что произведения Рота — это не только поэзия и большая проза, это также редкостный документ еврейских будней. Рот, который писал в 1930 г. о своем издателе Густаве Кипенхойере: “Он любит евреев, а я нет”, — опубликовал в то же самое время своего “Иова”. Он опубликовал книгу еврейского повседневного быта, который для Деборы Зингер состоял в том, чтобы неделю обходиться двадцатью копейками, помноженными на двенадцать, а по пятницам драить пол до тех пор, “пока он не становился желтым, как шафран, и не встречал возвращающегося домой мужа блеском, подобно расплавленному солнцу”¹⁶.

Стефан Цвейг писал: “У Йозефа Рота была русская натура, я сказал бы даже, карамазовская, это был человек больших страстей, который всегда и везде стремился к крайностям; ему были свойственны русская глубина чувств, русское истовое благочестие, но, к несчастью, и русская жажда самоуничтожения. Жила в нем и вторая натура — еврейская, ей он обязан ясным, беспощадно трезвым, критичным умом и справедливой, а потому кроткой мудростью, и эта натура с испугом и одновременно с тайной любовью следила за необузданными, демоническими порывами первой. Еще и третью натуру вложило в Рота его происхождение — австрийскую, он был рыцарственно благороден в каждом поступке, обаятелен и приветлив в повседневной жизни, артисти-

чен и музыкален в своем искусстве. Только этим исключительным и неповторимым сочетанием я объясняю неповторимость его личности и его творчества”¹⁷.

Таким образом, несмотря на то, что большинство исследователей творчества Йозефа Рота считает его лишь одним из многих „австрийских” певцов-очевидцев гибели Дунайской монархии, он остается еще и оригинальным мастером иронического и саркастического изображения официальной нерадивости, игры противоречий и военной рутины. Поэтому Рот, “наверно, единственный настоящий профессионал, хотя, конечно, именно по-австрийски, своеобразный”¹⁸.

TATYANA LEVITSKAYA

(Ivano-Frankovsk)

Fate of the Habsburg Myth and the Jewish Microcosm in Joseph Roth's Works

This article explores the identity of artistic works by the German-language writer from Galicia, Joseph Roth (1894—1939). In his works, the world of the Jewish small towns (shtetls) of Eastern Europe and the fate of the Jewish people are reflected. The article analyzes the dichotomy of the Fatherland — Foreign Land, and various literary elements of the Habsburg Myth, as well as the context of historical time, features of traditions and the dialog of people in Austrian-Hungarian Empire.

- 1 Павлова Н. С. *Природа реальности в австрийской литературе*. М., 2005. С. 15.
- 2 См.: Седелник В. „Бегство без конца” // *Вопросы литературы*. 2003. № 9—10.
- 3 Цвейг С. *Йозеф Рот* // *Вестник Европы*. 2003. № 9.
- 4 *Text + Kritik. Sondernummer Joseph Roth*. München, 1982. S. 9.
- 5 ROTH J. *Briefe 1911—1939* / Hrsg. und eingeleitet v. H. Kesten. Köln; Berlin, 1970. S. 164 f.

- 6 См. рус. пер.: РОТ Й. *Направо и налево* / Пер. с нем. А. Кантора. М., 2004. — Ред.
- 7 DURUSOY G. *Seelische Beheimatung und Drang zur Flucht bei Joseph Roth* // *Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften*: <http://www.adis.at/arlt/institut/trans/7Nr/durusoy7.htm>
- 8 РОТ Й. *Фальшива вага. Історія одного айхмістра*. / Пер. з нім. Ю. Прохаська. Львів, 2005. 124 с.
- 9 ROTH J. *Die Flucht ohne Ende. Ein Bericht. Frühe Romane*. Berlin; Weimar, 1984, S. 314 (далее цитируется это издание в переводе автора статьи, страницы указаны в тексте).
- 10 ZIMMERMANN A. *Der unbehauste Grenzgänger* // *NZZ*. 7/8 März. 1992. S. 70.
- 11 KESTEN H., 'Die Erzählungen von Joseph Roth'. Als Nachwort zu: JOSEPH ROTH: *Der Leviathan*. München, 1977, S. 202.
- 12 См.: ЦВЕЙГ С. *Йозеф Рот* // *Вестник Европы*. 2003. № 9. Пер. С. Фридлянд.
- 13 РОТ Й. *Марш Радецького*. Роман / Пер. з нім. Є. Горевої. Киев, 2000. С. 349; РОТ Й. *Марш Радецького* / Пер. с нем. Н. Ман. М., 2000. С. 345.
- 14 Цит. по: КОЕСТЕР R. *Joseph Roth*. Berlin, 1982 (*Köpfe des XX. Jahrhunderts*. Bd. 96). S. 63f.
- 15 ROTH J. *Hiob. Roman eines einfachen Mannes* // ROTH J. *Frühe Romane*. Berlin; Weimar, 1984. S. 554, 553, 702. Рус. пер. см.: РОТ Й. *Иов* / Пер. с нем. Ю. И. Архипова. М., 1999.
- 16 ROTH J. *Briefe 1911—1939* / Hrsg. und eingeleitet v. H. Kesten. Köln; Berlin, 1970. S. 203f.
- 17 ЦВЕЙГ С. *Йозеф Рот* // *Вестник Европы*.
- 18 ЗАТОНСЬКИЙ Д. *Гімн чи реквієм? (Про Йозефа Рота та його „Марш Радецького”)* // РОТ Й. *Марш Радецького. Роман*. / Пер. з нім. Є. Горевої. Киев, 2000. С. 5.